

АННА ЕМЕЦ

Линия мороза

Анна Емец

Линия мороза

«Издательские решения»

Емец А.

Линия мороза / А. Емец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904413-6

Параноидальная мысль сидит в голове, равнодействующими силами смерть лепит череп из лица, здесь нет никаких «Почему», так как не убежать от неизбежного... Евклидовы мир засосёт в жёсткую реальность, не требующую симметрий и более элегантного понятия о справедливости. Жизнь — временный лабиринт, для каждого свой собственный...

ISBN 978-5-44-904413-6

© Емец А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Линия мороза

Анна Емец

© Анна Емец, 2018

ISBN 978-5-4490-4413-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – один с моим огромным пустым страхом и тоской. И со своими мыслями. В этой комнате нет никого, кроме меня, и ничего, кроме моих мыслей и моих страхов. Я могу думать здесь о самых диких вещах, могу плясать, плевать, гримасничать, ругаться, выть – никто не узнает об этом, и никто не услышит меня. Мысль, что я абсолютно один, сводит меня с ума. Это как роды. Все обрезано. Все отделено, вымыто, зачищено; одиночество и нагота. Благословение и агония. Масса пустого времени. Каждая секунда наваливается на вас, как гора. Вы тонете в ней. Пустыни, моря, озера, океаны. Время бьет, как топор мясника. Ничто. Мир. Я и не-я. Умахарумума. У всего должно быть имя. Все надо выучить, попробовать, пережить.

Генри Миллер. «Тропик Рака»

Глава 1

Серость осеннего утра наблюдает за тобой в щель плотных штор. Шум дождя нагоняет тоску. Ты лежишь, уставившись в потолок, там транспортные огоньки пляшут свой танец. Вой ветра заставляет задуматься о том, что в цеху холодно, нужно одеться теплей. Ты не спишь уже минут двадцать, но только пению будильника удаётся поднять тебя с постели. Плетёшься на кухню, ставишь чайник; туалет, ванная, кофе и сигареты окончательно скидывают одеяло сна. Сорок минут на сборы, в руках сумка, зонт, ключи – и бегом до машины. Сорок минут до Кировского завода, холодный офис, чайник, ежедневник. Так, что сегодня по плану? Около трёх лет ты живёшь строго по плану, кто бы мог подумать, они все в тебя не верили, а теперь очередь из родственников, друзей, знакомых, всяких прихлебателей и льстецов. Да, дел полно:

1. Сусликов (взять образцы, узнать количество красок, прайс-лист, есть ли оборудование).

2. Переговоры с Татьяной в 11:20.

3. Переговоры с музеем шоколада в 12:40.

4. Позвонить Диме, узнать про тигель.

5. Найти дизайнера по клише.

6. Составить договор на гофру.

7. Чистые лапки – склейка.

8. Офсетная бумага, 1 краска, маленьких – 30 000 шт., больших – 70 000 шт. (д/Макс).

9. Собеседование – секретарь – Светлана 23 года, печатник на Мамаёр – Руслан 45 лет.

Оценив план, можно приступать к действиям. Налив в кружку растворимого кофе, устроившись в кресле, набираешь номер. Гудки:

– Здравствуйте. Компания «Вип-Стиль», Наталья, – приятный молодой женский голос.

– Здравствуйте! Анастасия Александровна беспокоит, «Престиж». Андрей Борисович у себя?

– Да.

– Соедините!

– Минутку, – музыка в трубке, – соединяю.

– Да! – мужской голос.

– Здравствуйте, Андрей Борисович.

– Насть, давай без формальностей. Привет! Как ты?

– Хорошо, – качаешь головой, убеждая себя, что на самом деле всё у тебя хорошо.

– Ты что-то хотела?

«Боже, если бы ты знал, чего именно я ХОТЕЛА, как я по тебе скучаю, как для меня важно слышать твой голос, скольких усилий мне стоит не ходить за тобой как собака».

– Да! Хотела, – строго, – вы тут напортачили мне.

– Приезжай, разберёмся. А где косяк-то?!

– Ну, в общем, опечатка в слове «Издательство», пришлю макет. Дальше по списку: шелкуха на ленте расплылась, петуха не видно, лента порезана криво. Коробка выполнена с нарушением, крышка на два миллиметра больше, тем самым неровно закрывается.

– Так, так, стоп! Это что такое, там всё нормально!

– А мне не надо нормально, мне надо идеально!

– Настён, Настён, стоп! погоди! Если и есть недочётки, то больше формальные, чем реальные, ты, мать, придираешься.

– В общем, так! По договору имеются сроки выполнения обязательств и односторонний отказ от договора в случае несоблюдения сроков выполнения работ, а также брака, что входит в стоимость уже выполненных работ, то есть – за свой счёт. И, Андрей Борисович, я думаю, что впредь работать с вами не представится больше возможности, так как из-за несоблюдения сроков поставки, по вашей вине, наша фирма несёт убытки. Переделывайте! Срок – пятнадцать дней!

– Да ладно! Ты с ума сошла! Там ручная работа, минимум два месяца... И что это за договорённости такие, какие убытки?!

– Андрей Борисович, во-первых, не «ты», а «вы», а во-вторых, не сдадите в срок, заказывает неустойка.

– Ну ты даёшь! Не ожидал! После всего, что... – в трубке послышались гудки.

– Алло?..

И не нужно ослепнуть, чтоб в чистом свете видеть так же мало, как и в чистой тьме... Он – прошлое, и ты тянешь его за собой по дороге в никуда.

Начав день с ласкающих воплей, балующих твой тщеславный слух тем, что не одной тебе сегодня хреново, берёшься за работу. Переговоры прошли успешно. Съездила по нескольким адресам. Отвезла тиражи, купила верёвки, заказала мелованную бумагу и «имитлин». Была у Димы, заказала шелкографию с термоподъёмом. Сгоняла в банк, заказала банк-клиент на свой ноутбук, обзвонила несколько мест, заказала бирдекели в ресторан и т. п. После чего по плану – собеседование. Мчишься в офис, там тебя ждут: девушка, двадцать три года, высокая, статная, надо проверить, умная ли, и мужчина, так себе, обыкновенный.

– Здравствуйте! – обращаешься к ждущим.

– Здравствуйте, – хором.

– Проходите, – приглашаешь девушку к себе.

Проходишь, садишься за стол, включаешь компьютер. Она присаживается напротив тебя.

– Меня зовут Анастасия Александровна. Я вас слушаю.

– Ещё раз здравствуйте. Меня зовут Каштанова Светлана, мне двадцать три года, я закончила курсы секретарей-референтов, живу на Сенной...

– Это всё очень замечательно! Но как насчёт полиграфии, с ней вы знакомы?

– Ну, я недолго работала в копицентре, кое-что знаю...

– Что за бумага? – протягиваешь лист.

– Ну, я так сразу не могу определить, – щупает, – картон?

– Мелованный картон. Как у вас с делопроизводством?

– Договора, бланки, трудовые книжки, всё могу оформить. Закончила курсы юриспруденции.

– Что именно?

– Законодательство!

– И сколько раз у нас в стране происходила смена конституций из-за парадигм российской законности?

– После 1917 – пять раз. Была сильная пропаганда, то мы самодержавная, то революционная, репрессивная, военная, капиталистическая страна. Оттуда и недоверие народа к законам, и незнание их.

– Да, есть такое дело. Чиновничий кластер творческий и инициативный, испокон веков все клоуны лезут в Госдуму. А то, что народ не знает законов, это проблема. Раньше в школе преподавали элементарную конституцию, а сейчас не знаю, есть ли такой предмет...

– Есть, но слабый.

– Продолжим! Мне нужен самостоятельный человек, занимающийся административными функциями. Туда входит: внутрифирменная информация, бухгалтерия, финансы, как это называется, «паблик рилейшенз», правовые и налоговые вопросы, контроль за осуществлением платежей, реклама, изучение рынка, логистика и т. д. Как вам такой объём работы?

– Расчёт – евро, доллар?

– Пристально следим, но работаем в рублях.

– На бирже играете?

– О как! А вы мне уже нравитесь. И что нынче в цене?

– Говорят, золото падает, а мука растёт...

– Как насчёт «мусорных облигаций»? Ввиду большого риска процентные ставки у таких облигаций намного выше, чем у государственных. Облигации с хорошей репутацией, что слышно про них?

– Торгуют в крупных финансовых центрах, таких как Нью-Йорк, Лондон, Париж, Франкфурт-на Майне, Токио, Цюрих, но и там без «мусора» никуда, кто-то должен раздувать то, что не имеет ценности, а потом обрушивать цену на то, что бесценно, чтобы хапнуть больше, после снова взвинтить цену и продать втридорога.

– И откуда ж такие познания у столь юного создания? – вскидываешь брови.

– Опыт, книги, фильмы, самообразование.

– И самоуверенность. Что молодёжь читает?

– Я – разное, другие – не знаю...

– Так, ладно... – отводишь от неё взгляд, открываешь ежедневник, делаешь вид, что пишешь. – Отношение к холодным звонкам?

– Нормальное.

– Вас не бесит, не раздражает, не обижает, вы не бросаете на полпути список из ста пятидесяти намеченных звонков?

– Нет, я звоню дальше. Был опыт менеджера по продажам.

– Почему ушли? – заинтересованно.

– Не сошлись взглядами с руководством.

– Если не секрет, что за взгляды?

– Меня хотели купить, я не продалась, – улыбается.

– Что ж, сработаемся, – ухмыляешься ты, – когда сможете приступить?

– Вы меня берёте? – радостно.

– Дам вам шанс проявить себя.

– Прямо сейчас могу начать!

– Это хорошо. Сейчас тогда и проинструктирую. Секунду, – берёшь трубку, – Кость, у меня в приёмной печатник. Проведи собеседование. Хорошо?!

– Так! Значит, так... С чего начать? Вы владеете какими-нибудь языками?

– Свободно – английский, украинский, со словарём – французский.

– У нас разные партнёры, у всех свои предпочтения. В том числе мы работаем с зарубежными странами, и вот здесь при составлении договоров нужно учитывать некоторые особенности: различие в складе ума и психологии людей разных стран, также финансовое положение клиента и страны в целом, в некоторых случаях, и это нужно обязательно прописывать, предъявление клиенту рекламаций, особенно при порче и гибели товара при перевозке. Ещё такой момент, это в особенности касается зарубежных партнёров, для ограничения риска мы стараемся по возможности собрать полную информацию о финансовом положении клиента. Аккредитив, вам это о чём-нибудь говорит?

– Это что-то связанное с банком импортера и банком экспортера, покупатель поручает своему банку открыть кредит, на что тот высылает инструкции на получение аккредитива продавцу, и после проверки документов банк выплачивает продавцу нужную сумму.

– Да, примерно так. Но и самое главное – что мы делаем: пакеты, коробки, но также собираем заказы и на другие виды работ, так как у нас имеются партнёры с разными видами оборудования, и мы кооперируемся, – улыбаешься, – так... другие виды работ: сублимация на посуду, бирдекели, календари, папки, визитки, шелкография, тиснение фольгой и конгрев. Всё, что клиент пожелает, мы сделаем! Ни в чём клиенту не отказываем! Нужны «Бременские музыканты» – найдём! Есть у нас это, нет, главное – удержать клиента. Убедить, что мы лучшие. Грубость, хамское отношение неприемлемы, что в коллективе, что в работе. Курение: двадцать метров от здания – или бросать. Инициативы не поощряются. У нас коллективная работа, каждый занят своим делом. Если кто-то тянет одеяло на себя, приходится прощаться с коллегой. У каждого своя клиентская база, от этого идёт процент. Также в ваши обязанности входит знать расценки на продукцию. Понятно, что на этапе договора точную сумму выдаёт бухгалтер, но если клиент позвонит и спросит, что сколько стоит, вы должны ему ответить. Рассчитываете так: стоимость бумаги, тираж, краска, клейка, верёвка, люверсы (если есть), доставка, эти показания умножаете на два и делите на тираж. Этому научитесь. Так, что ещё? Естественно, приём звонков, документация вся на вас. Поездки по клиентам, в редких случаях – это работа менеджеров, – но бывает. Внешний вид: строгий, деловой, спокойные тона. Из качеств: самоорганизованность, дисциплина, собранность и т. д. Права есть?

– Нет.

– Плохо. Очень плохо.

– Я могу сдать...

– Конечно можете! Только они нужны сейчас. Машина общая, служебная, Hyundai Trajet. При большом тираже нанимаем грузовик, маленькие развозим на «траджете». Так, ладно! Вопросы?

– Во сколько на работу?

– Я прихожу в 8:30. Вы можете приходить к 9 часам.

– Хорошо.

– Сейчас выйдете, направо будет дверь, там сидит Ирина Игнатьевна, замдиректора. Возьмите договор на трудоустройство, ну и все последующие вопросы обсудите с ней. Хорошо?

– Да, спасибо. До свидания.

– До завтра.

Глава 2

Тёплая дымка печали по ушедшему лету окутывает настроение, приветствуя осень. Плеть паутины своей деловой жизни, расставляя ловушки на мух и бабочек, ты совсем позабыла о себе. Женское счастье не стучится в дверь и не бродит под окном. Почти три года назад у тебя была семья. Спокойная сонная жизнь. За десять лет супружества вспомнить нечего. Вечные финансовые проблемы приводили к обидным ссорам, разваливая семейный очаг. Это теперь сын учится в частной школе-пансионе Великобритании, тогда было всё намного банальней: коммунальная квартира, гимназия, маленький заработок, отпуск на даче. Скинув бремя семейной жизни, взявшись за голову, каждый открыл своё дело: ты – пакетное, бывший муж – строительное.

Отец финансирует затраты своего чада, ты посылаешь деньги на личные расходы. Общаетесь с сыном по скайпу, а последняя встреча с бывшим мужем была в суде. Даже развод прошёл мирно. Тихо. Без скандала. Стороны согласны вести общее воспитание ребёнка. Формально он остаётся с мамой. Алименты не обсуждались.

Андрей появился сразу после развода. Ты только открыла ИП, наработывала связи, закупала материал, искала заказы. У него полиграфическая фирма. Ему 42 года, не женат. Статный, спортивного телосложения, почти седой, спокойный, вежливый, обходительный. Вы как-то сразу сошлись интересами. Тебе – нужные бизнес-подвязки, ему – постоянная ночная партнёрша. Ваши отношения протекали с отсутствием романтизма, но с приятными дополнениями, он дарил тебе цветы, ты готовила ужин на его кухне, он ходил с тобой на светские приёмы, ты позволяла играть с собой. У каждого свой бог и своя молитва. Своё реальное представление о любви и жизни. Свои идеалы и принципы. Нищета ломает духовную связь с миром, и богами становятся Бенджамин Франклин (стодолларовая купюра) да Хабаровск (пятитысячная). В голове поселился голодный, жадный червь, жравший твой мозг, заставляющий работать по 24 часа в сутки, размещать рекламу, знакомиться с людьми, клеить макеты, бегать с образцами бумаги по всему городу, предлагать себя, продавать себя, всячески убеждать и переманивать клиента, себе в ущерб делать скидки. Сколько? Сколько стоптано башмаков, чтоб на сегодня были работа, деньги, связи. И вот – он, грех и боль, обида и унижение собственного самолюбия, человек, который надорвал в тебе что-то тонкое, оставил себе что-то важное, а с чем осталась ты?..

Что вас связывало? Вы оба не отдавали себя друг другу и не получали ничего обратно, а лишь равнодушно, как вещи, предоставляли друг другу свободу, наслаждаясь в непосредственном самосознании простого «я». В этом тавтологическом движении рассудок, как оказывается, упорно держится за покоящееся единство своего предмета, и этим предметом оказалось другое «я», то, что собирается сказать что-нибудь отличительное от уже сказанного, оно, скорее, ничего не высказывает, а лишь повторяет то же самое – «то, что одинаковое становится неодинаковым, а неодинаковое – одинаковым». Вот и запутались мозги, полетели к чертям собачьим все доводы, догмы, рассуждения, предрассудки, ты влюбилась в мужика, для которого любая девка дороже твоих чувств. Какая глупость на старости лет.

Однажды, в табачном дыме, с затуманенным под действием красного вина воображением, ты сидишь, поджав под себя ноги, на кухонном диванчике в его двухкомнатной квартире. Твоё обнажённое тело завернуто в мягкую клетчатую рубашку. Он – напротив, абсолютно голый. Курит, смотрит в никуда, думает и молчит. Ты смотришь на него, наблюдаешь, твой разум жадно ищет хоть какой-нибудь чувственно-наличный модус, ту искру, инстинктивно раздувающую огонь, превращающую сущности в часть единого органического формообразования. Но, всегда есть грёбаное «но», он в качестве своей собственной величины,

со своего пьедестала выдуманной морали, остался абсолютно равнодушен к твоим горящим глазам. Странная штука любовь: то, что было чёрным, стало белым, то, что острым – кубическим, всё дело в сознании и магии обоняния. Мужчина, которого выбрала ты, не способен любить.

Его дружба со свингерами, нудистские пляжи, секс-друзья, мужчины, женщины, фильмы, разговоры, музыка, клубы, наркотики, всё пропитано сиропом секса.

Надо валить! Встаёшь, идёшь в комнату, собираешь разбросанные вещи, одеваешься, набираешь номер, вызываешь такси. Он в недоумении наблюдает за твоими действиями, но всё же решается задать вопрос:

– Я тебя обидел? – спокойным тоном, выпуская дым из рта.

– Нет.

– Но ты уходишь? Ещё только четыре.

– Мне пора, – крутишь волосы в хвост.

– Насть, – прижимает тебя к себе. Обнимает и хочет поцеловать; ты отворачиваешь лицо, продолжая собираться, – так что случилось-то?!

– Рано вставать. Я к себе, – обуваясь, шепчешь ты.

Он присел на корточки перед тобой, всё так же голый, смотрит на тебя большими карими блестящими глазами. У него начинается эрекция, ты это видишь, стараясь быстрее натянуть куртку, рука в рукав не лезет. Откуда это волнение? Он смотрит.

– Что с тобой? Пожалуйста, ответь мне, – берёт тебя за руку, целует пальчики.

– Андрей... Ммм... это была наша с тобой последняя встреча... всё! Хватит.

Он удивлённо вскидывает брови. Подымается, смотрит тебе прямо в глаза.

– О как! Что я сделал не так?

– Дело во мне. Ты не поймёшь.

Запел телефон: это такси.

– Прости... – выходишь.

Не оборачиваясь, идёшь к лифту. Жмёшь кнопку. Его дверь всё так же открыта. Ты ещё можешь вернуться, упасть в объятия, прикоснуться к телу, почувствовать запах, вкус его губ, но ты жмёшь эту чёртову кнопку! Лифт! Где этот долбанный лифт?! Волнение, разочарование, боль, обида, что ты делаешь? Куда бежишь? Вернись! Нет, уже поздно! Вот двери лифта открываются, вот ты уже зашла... Он не пытался тебя остановить. Не произнёс ни слова. Он молча закрыл дверь, а ты молча спускаешься вниз, в своё долгое безмолвное одиночество.

Осталась душевная пустота, как будто ластиком стёрли все слова, чувства, даже запахи; внутренне ты должна бы примириться с тем, что шансов нет, поверить в истину, но как? Если мечтания лучше пустоты.

Внизу – такси; тёплое дыхание весеннего утреннего ветра погладило ласкающей рукой. Одинокое такси несётся по пустому городу, унося твоё тело в одинокий мир, с пустыми страницами твоей души.

Не спишь, лежишь, смотришь в потолок, 6:30, запел будильник. Кофе, сигареты, ванна и туалет, сорок минут на сборы. В будни одно и то же, труднее в выходные. Очередной день по плану. Офис, ежедневник, переговоры, распоряжения, поездки по городу и т. п. Вечером, закрыв офис, проверив цех, выключив свет, закрыв всё, что только можно, так как ты покидаешь рабочее место самая последняя, плетёшься на парковку.

Вырулив на Восстания, зайдёшь в «Ленд», купишь сигареты, бутылку французского красного вина, печёночный торт, молочный шоколад и грейпфрут.

Дома в компании телевизора откупоришь бутылку, нальёшь бокал, посмотришь на ярко-рубиновый цвет, выпьешь залпом, иронично усмехнувшись, нальёшь ещё, и так до дна. После, умывшись, надев сорочку, ляжешь в холодную постель и ещё долго не смо-

жешь заснуть, глядя в потолок, переворачивая свои мысли, закручивая в узел, разворачивая и не получая ничего. Ответов на вопросы нет. Есть оправдания самой себя за ошибки.

«Ты строишь, ломаешь, любишь. Наконец-то ты любишь. А любишь ли? Пусть не того... Перематывая фрагменты вашего романа, игру в соблазнение, чудесным манером понимаешь, что жизнь не без своих сложностей. Он тебя не обидел, не бросил, не сделал ничего плохого, вам было хорошо вместе. Но ты по каким-то причинам, известным только тебе, решила, что во всём виноват он, как это возможно? Он звонил, искал встречи, приходил в офис, но ты отшила его окончательно. Всё было хорошо, пока через полгода случайная встреча в ресторане не выбила почву из-под ног. Андрей был не один. Молоденькая девушка, лет двадцати двух, блондинка с милыми чертами лица, длинной шеей, с изящными манерами. Ты чувствуешь, как твоё сердце упало, смотришь на неё, ища изъяны, бросая взгляды на него, а он светится счастьем, а ты пытаешься улыбаться в ответ, ведя бестолковую, бесконечную беседу. Как хотелось убежать, спрятаться, зарыться головой в подушку, заорать во всё горло от боли, кровоточащей внутри, ты и она – небо и земля, ей двадцать два, господи, двадцать два! Куда тебе с твоим за тридцатку?! Ты баба, с крашеными волосами, с тональником в два слоя и бледными губами, они уже не розовые. Она – естественная, молодая, свежая, соблазнительная, и где твои двадцать два? Почему-то поверив в свою уникальность, ты ни от кого не получила разъяснений о сроках её действия. Единственный, кто не обманывает тебя, это зеркало. С той стороны – стареющий кусок мяса, с потухшими глазами, в одиночестве своём».

Приходящие, уходящие мысли накладывались друг на друга, разбавленные алкоголем, превращаясь в коктейль невнятного бреда, уносящего с собой остатки рассудка, нагоняя пьяный сон.

Далёкое, смутно-призрачное пение телефона вывело тебя из тревожного сна.

– Да, – тихо.

– Настён, привет, ты дома? – женский голос.

– Да, – качаешь головой, глядя на часы: время – двенадцать ночи.

– Тогда я к тебе, можно?

– Да, – вздёрнув бровь: «Будто у меня есть выбор».

– Ну всё! О-кей, жди.

– Вина купи. Бар внизу.

– Ну а как же, не с пустыми ж руками-то приду, – смеётся.

Положив трубку, откидываешься на подушку: ну вот и компашка пожаловала. Поднявшись, накидываешь кофту, убираешь бутылку, бокал, окидываешь взглядом обстановку, всё ли у тебя чисто.

Лунная тропа освещает часть твоего дома, закрашивая холодным тоном густую бескрайнюю темноту. Бриллианты небесного полотна сияют в тысячу карат, заволаживая своим блеском. Тишина вокруг. Такая редкость в шумном городе. Осенний ветерок заставляет съёжиться. Ты подтягиваешь ворот кофты к горлу. Докуренная сигарета крючится в пепельнице. Обхватив себя руками, ещё какое-то время стоишь, бросив несколько взглядов в никуда. Покидаешь балкон. А там неумолкающая Катя. «Когда ж она уйдёт-то», – думаешь ты.

– Ого, ты купила «безмвешку»? – игриво, неестественным тоном спрашивает она.

– Ага.

– С кем обмывала покупку?

– Позвала лучших друзей.

– И кому повезло? – надув губки.

– «Шато Потенсак Крю Буржуа» и телевизор, отлично посидели, весело, – иронично отвечаешь ты.

- А чё меня не позвала?
- Не знаю, забыла, – жмёшь плечами.
- Ладно. Покатаешь хоть? – улыбается.
- Как только отрезвею, – отпив из бокала.
- У тебя еда-то хоть присутствует в доме?
- В холодильнике, глянь.
- Ого, целый грейпфрут, и одно яйцо, а это что? – достала магазинный контейнер. – Торт печёночный, дата сегодняшняя, можно сожрать? – смотрит на тебя.
- Конечно. Жри.
- Офигеть! Ты что, дома не питаешься? Надо как-то приехать наготовить, а то с голодухи сдохнешь ещё.
- Так я на работе всё время, там и ем.
- Вкусненький. Будешь? – предлагает тебе отковыранный торт.
- Не-а. Кушай! Я не хочу – отодвигаешь ей назад. – Что у тебя интересного? Какие новые тараканы записались в твои друзья? Смотрю, у тебя бусики странные, что это?
- Это алеппский агат, от сглаза. У меня и браслетик такой же, – показывает запястье, – ты не поверишь! Я познакомилась с мужиком, он делает такие штуки с животом... в общем, прощупывает внутренности. Я, когда первый раз к нему пришла, разделась...
- Что ты сделала? Насколько разделась?
- Не догола, я осталась в трусах. Ну а как иначе? Ему же внутренности нужны.
- У меня нет слов, – смеёшься ты, – действительно, не догола.
- Так вот, он начал меня прощупывать. Говорит: почки плотные, дыхательную систему надо чистить, мочевой пузырь склонен к камням, нервная система напряжена и т. д. Потом он посадил меня к себе на колени...
- Голую? – перебиваешь ты.
- Да! Он тоже был раздет. Говорит, чтобы меня не смущать, так как мы должны быть в первоначальной оболочке, такими, какими нас создали мать-природа и господь бог.
- О-фи-геть, – удивляешься ты, – и что потом? Он тебя трахнул, под предлогом естественного процесса?
- Фу, какая ты грубая, – обижается, – нет, ничего такого не было.
- Ну да! Учитывая, что уже было. Ну давай дальше, заинтриговала.
- Не буду, ты перебиваешь. Тебе тоже надо к нему сходить, очиститься, а то ты только и думаешь о прибыли, а духовные ценности не признаёшь. Вот и одинока. Деньги не согреют тебя ночью и не поцелуют в губы.
- Да ладно, очень даже согреют. Лучше уж деньги, чем кто попало в мужском облиии. К тому же на сегодня у меня роман.
- Кто это?! Неужели всё ещё Андрей?
- Ну, Андрей, падла, пока не выветривается в форточку моего воспалённого сознания, но я имела в виду другую любовь. Моя машинка! Смотрю на неё, и чуть ли не писаюсь от счастья.
- Долбанная материалистка.
- Катюш, мы все материалисты, абсолютно все! Просто кому-то для жизни хватает три копейки, а кому-то мало три миллиона. Вот ты! Обвиняешь меня в материализме, а сама в кофточке от «Шанель». Деньги под матрасом – ничто, их надо тратить. Ты ходишь на работу не ради удовольствия или от нефиг делать, а для того чтобы заработать – и покупать на заработанное то, ради чего ты пахала месяц. Я не знаю, что ты там читаешь, чем интересуешься, но могу с уверенностью сказать: деньги – это свобода. Детка моя, всё имеет цену. Даже сходить покакать на вокзале – надо заплатить, а чтобы было чем какать, надо что-

то покушать, а чтобы было на что, надо иметь деньги, а чтобы иметь деньги, надо пахать, воровать или хорошо давать. Нет чудес, и сказок со счастливым концом нет!

– Какая ты нудная, за-ну-ди-ще-е, ску-ка... Слушай, ты чем только не увлекалась, и во что только не верила, а теперь такая, блин, вся правильная. Я помню, даже йогой занималась, и чёрт-те чем ещё.

– Да, было дело. Сейчас попробую вспомнить, – загибаешь пальцы, – йога, эзотерика, психология, нумерология, астрология, таро, хиромантия, физиогномика, и что там ещё, религия. А помнишь, мы с тобой учили: «Человек... кратковремен и пресыщен печалью...»

– «...не как дерево, которое, хотя и срублено, снова даёт отпрыски...» – подхватывает Катя.

– «...а человек ляжет и не встанет, когда умрёт человек, то будет ли он опять жить? Надежду человека ты уничтожаешь». Это кто?

– Иов, глава 14.

– Точно! Тогда по поводу материализма, детка моя. Вспомни-ка *«Екклесиаст»*. И это – библия.

– И что там?

– Сейчас перевру, но почти дословно: «Это зло, если кто имеет богатство и не может пользоваться им, выкидыш счастливей его! Хотя рот полон, но душа не насыщена. Кто знает, что хорошо для человека в жизни?»

– Все труды человека для рта его, душа его не насыщается. Вот это я хочу до тебя донести, ты как-то опустела, что ли... – грустно говорит Катя.

– Может быть, Катюш, в какой-то момент просто всё достало.

– И всё же, что тебе принесло удачу? – с хитрым прищуром интересуется Катя.

– Какую удачу? О чём ты, Катюш? Я оторвала свою жопу от дивана, умыла рожу и пошла работать! И как-то всё само заработалось. Никакая атрибутика не решит твоих проблем. Верь ты хоть в чёрта, без толку! Это рассказы тех работающих людей, что делают на вере в чудеса, глупости и лени денежку.

– Как с тобой тяжело... У меня сейчас башка треснет.

– Да ладно, не парься. Наливай! Ты так и не дорассказала про эксперименты со своим голым знахарем, – улыбаешься.

– Не знаю, не знаю. Уже и настроения-то нет, – лукаво отвечает она.

– Да давай, говори! Не буду больше перебивать.

– Сажу я у него на коленях. Он гладит мои груди, массирует плечи, делает массаж головы, меня переполняет возбуждение, я хочу его зверски. Он раздвигает мои ноги и лезет в трусики, трогает там, в общем, я кончила у него на коленях. Но это не измена? Ничего же не было. Или измена? Как ты считаешь?

– Как я считаю? – слегка ошарашенная от услышанного, – ну, во-первых, спасибо тебе большое за предложение сходить к этому мужику в поисках просветления моей чёрной и алчной души. Мне такой интимный метод совсем не подходит. Что я могу сказать? Фиг его знает. У врача же мы тоже раздеваемся, и он лазит везде, но он не доводит нас до оргазма. А здесь реальная близость. Хотя в тебе не было его члена, но кончила ты от его рук. Знаешь? Понятие измены у каждого своё. Мне, честно говоря, пофигу. Если любишь, изменять не станешь, а если потянуло налево, то чё рассуждать-то, что было, то прошло.

– Ладно, отключи циника! Ну и всё же? Настён, мне интересно твоё мнение. Я, в принципе, только за этим и приехала, – подливает вино.

– Понятно. А я-то губу раскатала, что ты испереживалась за меня. Вот и появилась на пороге моего скромного царства, проверить, не болтается ли моё тощее тело в петле на люстре.

– Ну и это тоже, – смеётся, – так чего? Мнение-то давай.

– Мнение, мнение... ммм... Ну, мой вердикт такой! Ты изменила своему мужику, как только переступила порог того мужика.

– И всё? А где критика, осуждение и тому подобное?

– Что за глупости?! Кто я такая, чтобы тебя осуждать? Не судите и не судимы будете, народная мудрость. Тебе было хорошо, твой муж не знает и спит крепко, ну и всё, на этом тема закрыта.

Кухня погрузилась в тишину, она думает о своём, ты – «когда же она уйдёт»?

– Насть?

– Ммм.

– А что у тебя с Андреем-то?

– Ни-че-го...

– Ты с ним видишься?

– Я стараюсь избегать с ним прямых контактов, но настроеньице на днях подпортила, – улыбаешься.

– Чем?

– Да там незначительные косяки, в принципе, вполне допустимые, но мне так захотелось ему нагадить, что я заставила переделать весь тираж.

– Ну ты даёшь. И чем это он провинился?

– Да ничем. Увидела его с девочкой, очень молоденькой.

– И что?

Вздыхаешь, ты и сама не знаешь ответ. Берёшь сигарету, закуливаешь и почти шёпотом произносишь свою наболевшую пьяную исповедь:

– Кать, я думаю о нём, постоянно. Он сидит у меня здесь, – показываешь на голову, – меня ничего не радует. Я просто живу, просто сплю, ем, хожу на работу. Он меня зажёг. Я смогла многое только благодаря ему. С каким азартом, страстью он заражал меня новыми идеями. Вся эта раскрепощённость, голые свидания с другими парами, всё это было настолько новое и настолько не моё. Он пытался содрать с меня эту советскую закомплексованность, а я удрала... Сейчас – в аду. Варюсь в своём же алкогольном котле отчаянья. И эти мысли, как вороны, летают над моей головой, каркая каждую секунду «ты стареющая ду-ра» кривлявыми голосами, долбят своими клювами мой мозг, – ты наблюдаешь за абстракцией сигаретного дыма, клубящегося возле лица. – Я думала о суициде. Но стало страшно, пока страшно, а там как карта ляжет. Не знаю... Просто в первый раз в жизни мне хреново из-за мужика. Я даже представить себе не могла, что может быть так тяжело.

Дым развеялся, ты переводишь свой взгляд на Катю.

– Вот сейчас ты настоящая! Живая, – берёт тебя за руку, – а то я уж переживала, так и умрёшь, никого не любя. Хотя выбор-то странный. Даже я б побоялась влюбиться в такого всем доступного мужика.

– Это, типа, твоё сочувствие мне? Или радость за увиденное? Или как это вообще понимать?

– Насть, ты уверена, что он тебя не любит?

– Уверена, – неуверенно произносишь ты.

– А то, что ты его видела с девицей, это ещё ни о чём не говорит, может, у него собеседование с секретаршей.

– Ага, в ресторане.

– Да какая на фиг разница, где, да и вообще, что ему теперь, рясу натянуть и в монахи податься, только чтоб тебе что-то доказать? К тому же ты сама знаешь о его нраве, он трахает всё, что движется. Наверняка в его любовниках и мужики имеются.

– Ты права, я опять что-то себе напридумывала.

– Да неужели я права?! Это что-то новенькое, – с визгом вскакивает Катя, целуя тебя в щёку. Ты уже привыкла к эксцентричным выходкам своей подруги. – Так вот, я считаю, что ты должна привести себя в порядок, назначить ему встречу и рассказать о своих чувствах. Вот я бы так сделала.

– Ну вот и пожаловал бред собачий! Я никому ничего не должна! Я никогда его не позову, и уж тем более никогда он не узнает о моих чувствах, если они у меня есть. К тому же ты только что привела неоспоримые аргументы его несостоятельности в любви, – закуливаешь следующую.

Катя разливает по бокалам, потом хлопает в ладоши, будто что-то вспомнив:

– А, прикинь, я тут на днях Ирину твою видела. Ну она и гримза, злючая. Даже не поздоровалась со мной, – жалуется тебе.

– Где?

– В Гостинке. Она там какой-то прикид мерила.

– Ммм, любимый магазин.

– Как ты с ней работаешь?

– Тут такое дело, – загадочно улыбаешься ты, – когда я Андрея видела с *этой*... Расстроилась. Пришла в офис. Сижу. Она заходит. Спрашивает, что со мной? А я, дура такая, ляпнула про встречу с ним. Я на диване. Она рядом подсела. Обняла меня. Я-то думала, что это так, по дружбе. Кать, она меня поцеловала в губы, и не просто, как мы с тобой, чмок-чмок, а реально взасос... – ты облизнулась, – и мне не было противно.

– Да ладно?! Ты и она, вы чё? – вытаращила пьяные глаза Катя.

– Да ничё... Просто сам поцелуй – он был настолько естественный, настолько настоящий, даже страстный. Потом она погладила меня по голове, глядя прямо в душу, пальцем проведя по моим губам, – ты отвернулась от Кати, посмотрев в окно, – она любит меня, и я фигею от этого.

– И я фигею от этого. Я тоже хочу тебя поцеловать, – улыбается Катя. – Так и как вы теперь?

– Да как, никак. Она ловит мой взгляд, а я бегаю от неё как от чумы.

– Насть, так, может, попробовать, ну это... – намекает Катя.

– У тебя была баба?

– Нет, я любительница членов. Не представляю, что можно делать с бабой.

– Логично.

– Насть, у меня был опыт с... Как её, ну ты знаешь. Помнишь, такая блондинка, мы ещё работали вместе в магазине. Блин, неважно. Так я уснула на ней. Это ничего не значит, просто по пьяни – ошибка молодости.

– Катюха, я не устаю тебе удивляться, ты даже здесь отличилась, – смеёшься ты.

– Нет! Я всё к тому, что если эта Ира профи, так почему нет?

– Ну вот и предложи ей себя.

– А про любовь она сама тебе сказала?

– Да.

– И как?

– Просто. Когда целовала, тогда и прошептала.

– Класс! И я так хочу... Всё тебе, и мужик, и баба.

– Ой, Кать! Да нет ни того, ни другого! Мужiku я не нужна, а Ира меня не интересует.

Две пустые винные бутылки, два бокала, полная пепельница окурков. Вы сидели до четырёх утра, вызвали такси, Катя уехала в свою праздную, красочную, семейную жизнь, ты легла спать в свою просторную, ледяную, пустую постель.

Глава 3

Утро, кофе и сигареты, беглый взгляд в окно, деревья, словно невесты, укутаны в белые свадебные одеяния. Ещё вчера было темно и сыро, а сейчас красивая сказка морозного утра. Ночные разговоры самой с собой не проходят бесследно.

Осунувшееся лицо, мешки под глазами, уставший вид, будто ты не из постели, а с работы. Мятая голова с комом фантастических призраков, дегустировавших твою болезненную нервную систему на протяжении пятичасового беспокойного сна, которые на мгновение приводят к размытым очертаниям реалистичности, всё ещё держа тебя в лапах смутных шизоидных картин.

Они повсюду, они преследуют тебя. Улыбаются. Разговаривают. И ты ведёшь беседу, щекоча свои нервы, с вымышленными персонажами, уютно расположившимися в твоей голове. Третий день не покидаешь своего убежища. Забросив работу, дела, друзей, отключив телефон, не подходишь к дверям. Сигареты, кофе, вино, стены, что сводят с ума. Ты тонешь в своём отчаянно мёртвом болоте, не протягивая руки, не прося помощи, солдатиком уходишь в густую толщу засасывающей трясины. Всё потеряло смысл, от всего скучно, от всех тошно, тебе никто не нужен, даже он.

Ходишь бесконечное количество раз по квартире, из комнаты в комнату, на кухню, на балкон, и острой занозой мысли пульсируют в висках. Неправильные мысли, сложные, пустые. Налетающие одна за другой, следующая накрывает предыдущую неоспоримыми фактами, приводящими в расстройство рассудок, не давая растолковать, на неё накладывается другая... Теряя нить собственных рассуждений, пытаешься по крупинкам восстановить предыдущую задумку своего воспалённого воображения, но ускользнувший хвостик сознания приводит к другой немаловажной мысли, уже никак не связанной с той. И так день за днём, ночь за ночью. Подыхающая плоть подводит тебя к рубежу суицида. Сложности есть всегда и везде, на то она и жизнь, кому-кому, а тебе это известно. Но почему тебя сломало именно сейчас, ответа нет.

Ты думаешь о том, как тебя найдут с перерезанными венами в луже крови, бледную, окоченевшую. «А кто найдёт? Может, Катя? Но у неё нет ключей, как она попадёт? Ой, ой, это надо будет резать мои стальные немецкие двери. Нет уж! Надо как-то ей передать ключи. А что если я отдам ключ соседке? Под предлогом полить цветы, типа, я уезжаю, вот она заходит, а я тут лежу, кровяшка, вонища, а она как заорёт! Да, смешно!.. Нет! Грязно как-то, кровь... Нет! Лучше повеситься. Вот она заходит, а я вишу синяя... или чёрная?! Нет! Некрасиво, а вдруг ещё глаза вылезут, ужас какой. В гробу с глазами навывкате. Нет уж! Может, утопиться? Залить соседей? Они прибегут, будут долбить в дверь, вызовут полицию, МЧС, шум, гам, неразбериха, а я такая голая, в ванне, ещё тёплая, ещё желанная, а они меня хватают, пытаются откачать, может, даже искусственное дыхание сделает какой-нибудь молоденький мальчик, а я стыну прям в руках... Нет! А если не придут сразу? То что, блин, я же распухну. Вот чёрт! Как себя убить? А похороны? Только бы не было воды в яме, не хочу лежать в сырости. А носки, надо оставить записку, вдруг забудут...»

.....

В дверном замке зашевелился ключ, с лязганьем щёлкнул затвор. Дверь отворилась. Вошедшие быстрым шагом подбегают к тебе.

– Настя, господи!!! Скорую! Быстрее скорую, она ещё дышит!!!

Сильная слабость придавила грудой камней, не давая открыть глаза, но, чувствуя яркий свет по ту сторону глазных век, ты слышишь неопределённое количество голосов, какие-то близкие, какие-то чужие, но они эхом отдаются в твоих ушах.

– Она что, хотела покончить с собой? – женский голос.

– Может, нет. Но довела себя до этого состояния, – мужской, – истощение и психическое расстройство налицо. Ей нужны покой, тщательный уход, и психиатр не помешает.

– Когда её можно будет забрать?

– Думаю, через пару дней. Кто за ней будет приглядывать, вы?

– Да, я!

– Потом подойдите ко мне. Я вас проконсультирую, выпишу таблеточки, чаёк, да и доктор у меня есть отличный, как раз по этой части, – игривый мужской голос.

– Спасибо, доктор. Я подойду.

Тихо закрылась дверь, шорохи приближающихся шагов. Кто-то поправляет тебе подушку, кто-то держит тебя за руку, кто-то шепчет за тебя молитву, ты не видишь, но всё слышишь. Чувства переполняют твою истерзанную душу, по щекам текут слёзы, сами собой.

– Настенька. Не плачь, родная моя, – кто-то гладит тебя по голове, – всё у нас будет хорошо. Я тебя не оставляю, не брошу. Ты моя хорошая. Девочка моя.

Глаза предательски не хотят открываться. Ты узнаёшь этот голос. Эти духи. Тепло родных рук. Кто ты, фея? Под действием успокоительных препаратов проваливаешься в сон. Тебе снятся зелёные луга из твоего детства, ароматы цветов, верный друг Жучёк скачет возле тебя, прося конфетку, а ты дразнишь его, то уводя руку назад, то отбрасывая вперёд, а он, не понимая, бежать ли ему, и куда, водит своей мордочкой, принюхиваясь к твоим рукам. Потом тебе снится папа, такой молодой, такой красивый, и ты плачешь, видя его в гробу, слезами детскими, чистыми, слезами горя, а он подымается из гроба, смотрит на тебя и произносит: «Не плачь, Настенька, я же не навсегда ухожу, представь, что я просто уехал», – но слёзы текут, сами, и ты пытаешься представить, что он уехал, но куда? Куда? Куда?.. Нет, он не уехал! Он умер, совсем, навсегда, нет, нет...

Кто-то берёт твою руку, и ты чувствуешь иголку, ещё секунда – и твоё сознание расплылось. Всё стало хорошо. Тебя все покинули. Умиротворяющая волна нахлынула на перевозбуждённую, больную сущность, унося тебя на солнечных парусах в бесконечное спокойствие глубокого забвения.

.....

Светлый кабинет. За столом врач. Мужчина с лишним весом и с красным лицом встречает тебя маленькими пороссячьими глазками. Ты присаживаешься напротив:

– Так, Анастасия Александровна, тридцать четыре года, – перелистывает историю болезни, – что тут у нас... так, так, разберёмся. Поступила... ммм... истощение, отказ от пищи, подозрение... ммм... *выраженное падение психической активности, утрата инициативы, апатия, меланхолия*... ммм... посмотрим, так, так. Как спалось вам? – наконец-то оторвался от бумаг. – Что беспокоит?

– Всё хорошо, ничего не беспокоит.

– Угу, так и запишем, всё у нас хорошо, – пишет больше, чем положено, – что вам снится?

– Ничего.

– Совсем ничего? – спокойный пристальный взгляд.

– Ничего.

– Угу, так что ж вы, голубушка Анастасия Александровна, до истощения-то себя довели? Хотели умереть?

От таких вопросов у тебя потеют ладони, как у провинившейся школьницы перед директором в центре зала, ищущей оправдания.

– Нет, не хотела...

– Не хотели, но довели, – опять что-то пишет, – почему не принимали пищу?

– Не хотелось есть...

– Умирать не хотели, но и есть не хотели. Ага... – пишет, – как будем выходить из этой ситуации?

– Не знаю. Вы меня в *дурку* упечёте? – с дрожью в голосе произносишь ты.

– Ну, во-первых, у нас нет *дурки*, а есть больница для душевнобольных, между прочим, в наше учреждение попадают не последние люди, а достаточно известные, и потом возвращаются на свои места, так что зря вы так грешите и не уважительно отзываетесь, ведь всякое может быть, вот и вы одной ногой к нам, но не об этом сейчас. А во-вторых, нет, вас не закрою, назначим лечение, но для начала выявим степень заболевания. Походите к психиатру. Вот адресок и телефончик! – пишет на стикере, лепит на карточку, протягивает тебе.

– И всё, мне можно идти? – удивляешься ты, беря карточку.

– Да, можете. Через полгода жду вас, посмотрим на результат, – бубнит он снова и что-то пишет в толстом журнале желтоватого цвета.

Покидаешь кабинет, и тебя встречает твоя сестра. Это она той ночью вызвала скорую. Вы не общались три года. Ты сама так решила, что все родственники и старые друзья мешают жить новой жизнью. Мужчины, бизнес, авантюризм, большие деньги снесли тебе в некотором роде крышу, ты стёрла прошлую жизнь, записывая новую. Но всё заканчивается. Бросив Андрея и не найдя замену, ты утратила лживые очки. И вот она, обнажённая жалкая реальность.

Глава 4

Твоя квартира встречает тебя цветами и ароматом свежей выпечки. Кухонные женские голоса притихли, услышав хлопнувшую входную дверь. Передвигающиеся быстрые шаги приближались к прихожей, где ты, сняв пальто, вешала его на плечики. Два улыбающихся человека кинулись тебе на шею с поцелуями и словами приветствия.

– Ну наконец-то, Настенька, – бывшая свекровь, чьё появление тронуло до глубины души. Хорошие отношения до развода не испортились и после. – Как ты себя чувствуешь?

– Здравствуй, мам, – дрогнул голос, потекли слёзы.

– Ну, ну, ну, не плачь, – прижимает тебя к себе, гладит по голове. От неё шло спокойное, ароматно-домашнее тепло, на груди было уютно и мягко, – надень тапочки, пол холодный, и пойдёмте пить чай.

Оторвавшись от свекрови, видишь Катю.

– Привет, – лезет целоваться, – что ты мне не позвонила?

– Здравствуй, – игнорируешь вопрос.

Вы прошли на кухню. Дымящиеся пирожки стояли в центре стола. Чайник издавал последние предбурляющие звуки кипения. Обратила внимание на занавески, вместо красных – жёлтые, на подоконнике поселились жильцы в виде цветов. Кухня сияла чистотой так, что захотелось курить. Ищешь глазами пепельницу.

– Настён, пепельница там, – догадавшись про твоё желание, Катя тычет пальцем в шкафчик с мусорным ведром.

– Ты что-то ищешь, Настенька? Я тут чуточку прибралась, может, кое-что переставила, ты уж не сердись на старуху, – ласковым тоном произносит Галина Петровна.

– Да ничё страшного, разберусь, – улыбаешься ты.

– Наташенька, а ты у кого остановилась? – обращается к твоей сестре свекровь, разливая чай.

– В «Астории».

– Бог ты мой, там же так дорого?! – театральный всплеск руками, понимаешь, что драмсцена для одного зрителя, давят на жалость. Вот и взяла бы её к себе, думаешь ты.

– На сколько ты остаёшься? – сухо, к Наташе.

– Ну, я хотела побыть с тобой... – смущённый ответ.

– Что ж. Оплачу тебе гостиницу, – трёшь лоб, всем видом показывая усталость и что лучше бы им уже поскорее убраться отсюда.

– Нет! Спасибо! У меня есть деньги.

– Вот как! Ну и отлично, – равнодушно.

– Так зачем гостиница? Лучше вам вместе пожить, вы же сёстры. Настён, квартира у тебя во какая... одной-то, небось, скучно?

– Нет! Нет, я лучше в гостинице. Насе покой нужен.

Ты молчишь. Пустой бабский трёп вызывает нервный тик. Хочется курить, а они галдят и галдят. А там, за окном, уже зима. Белоснежная скатерть с искрящими кристаллами накрыла землю. Гуляют парочки, бегают собаки, дети возятся в снегу, бабушка подкармливает котика у лавки, а тот ласкающе трётся у ног. Рядом воробьи пытаются украсть котькину еду, тем самым вызывая возмущение в виде фыркания и рычания. Ты настолько ушла в свои размышления, что все попытки заговорить с тобой потерпели фиаско. Ты не только молчала и не слушала, но и не замечала присутствующих.

– Что сказал доктор? – бывшая свекровь.

– Нужен психиатр, – Наташа.

– Она что, того?... – Катя, шёпотом, крутя у виска.

– Ничего особенного он не сказал, кроме того, что и так известно. Город – тяжёлая среда, с быстро стареющим населением, с депрессивной спящей мозговой активностью. Антидепрессанты в свободном доступе – а почему? Иначе не хватит территориально упрятать всех клиентов. Добавил, что даже он не блещет здоровьем ума. Привёл пример, что в Америке неприлично жить без психолога, а у нас стыдно ходить к психиатру, поэтому каждый сходит с ума в одиночестве, – грустно улыбнулась Наташа.

– Когда пойдёте? – Галина Петровна.

– Как она решит, так и пойдём, – спокойным тоном.

– Ой, не знаю, не знаю, – скулит Катя, – всё это так тяжело. Вот сижу – и чувствую болезненную энергетику. Её точно кто-то сглазил. Вот зуб даю! Надо почиститься! Случай был, правда, не по теме... – хлебнула чаю. – Так вот, моя подруга ходила к одному «мастеру», который владеет числовым языком. Пришла она к нему с вопросом, пару минут разговаривали, а потом он отвлекся ненадолго и начертил схемы с числами – и на языке чисел рассказал ей её судьбу, и намекнул на конкретные ситуации, в которых его помощь не помешает.

– Бред! Да не верю я во всё это, – машет рукой Наташа, – просто нервный срыв от усталости. Само рассосётся.

– И зря не веришь! А привороты, к примеру? Может, на Настю порчу навели?! – вытаращила глаза Катя, растопырив пальцы, как ведьма. – А вот ещё история с моей начальницей. Ей ни много ни мало сорок пять, и муж загулял, что делать? Хорошо, когда тебе двадцать пять, пусть чешет куда хочет! А вот сорок пять – проблемка, остаться на старости лет без второй, пусть и не горячо любимой, половины. Так вот. Побегала она за мужем, постаралась вразумить его седую головушку, что та, мол, тебе не пара, но тщетно. Поревела, помучилась моя начальница – и попёрлась к магу. А тот, послушав слёзную повесть про предательство мужа, предложил его заговорить на верность верную до истления его праха в сырой земле, то есть навсегда, даже на том свете ему глаза выколуют, если он, не дай боже, посмотрит или помыслит увернуться от сердцу любимой жёнушки. Сам приворот – полная клиника. Вырви-мозг, но прикольный. Выклянула у начальницы. Чем чёрт не шутит, вдруг понадобится, ей-то помог. Короче, сейчас, – вскочила с места, побежала в коридор, роется в своей бездонной сумке, находит лист, бежит назад, – вот он! – жалкий, мятый тетрадный лист, Катя разглаживает его на коленях. – Вот рецепт, слушайте внимательно:

Для приворотного зелья понадобятся следующие ингредиенты:

- сердце черной курицы;
- вода из колодца;
- корешок адамовой головы;
- щепотка сон-травы;
- порошок одолень-травы.

Приворотное зелье нужно варить в полночь. Сначала нужно в колодезную воду бросить куриное сердце, а затем все другие компоненты. В закипевшую воду капнуть еще три капли своей крови из мизинца.

Затем нужно наклониться над варевом и сказать:

«Святой Морон, куда делся твой черный ворон?

У меня черная курица была,

Да я ее сердце забрала.

Пусть бы и твой ворон полетел,

Раба Божьего (имя мужа) нашел,

Сердце его забрал.

Чтобы потерял он сон и покой,

По мне, рабе Божьей (свое имя).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Аминь!»

Читать заговор на зелье нужно семь раз. После этого его нужно настоять, остудить и процедить. Оставшийся настой перелить в стеклянную бутылку, и при каждом удобном случае подливать его своему супругу в еду или напитки.

Закончив чтение, все засмеялись.

– Ну и рецептик. А как же она своего мужа-то опаивала, коль он к другой усвистал? – спросила свекровь.

– Да, на что только бабы не идут ради любви, – задумчиво протягивает Наташа, – ингредиенты шикарные. Где она их, на базаре приобретала?

– Подробностей не знаю... неужели от любви, – многозначительно проговорила Катя, косясь в сторону Насти.

– От какой любви? – свекровь аж подпрыгнула. Она всё ещё надеется на восстановление семьи Насти и её сына. А тут такая новость. Катя поняла, что сболтнула лишнего, и прикусила язык.

– Катенька, что, у Насти кто-то есть?

– Ничего утверждать не могу, так как в чужую жизнь не лезу. Был мужчина, ну а почему нет? Валера-то всяко не в одиночку ночки проводит. И Настя девушка свободная. А с тем она рассталась давно...

– ...и что, тогда кого она любит? – влезла Наташа. Та тоже не в курсе про Андрея.

– Это я так ляпнула. Конечно, все стрессы от усталости. А у Насти фирма, всё на ней. Она и дома почти не живёт. Когда поест, когда нет. Заказы, заказчики, исполнители, посредники, косяки, все трясут, всем от неё что-то надо. Бывает, в час ночи приедешь к ней, а она вся в бумагах сидит, говоришь, не слышит... прям как сейчас, – кивает в Настину сторону.

– Я вас отлично слышу, – поворачиваешься к ним.

– О, вышла из транса, – Наташа пододвигает чашку с чаем, – выпей.

– Курить хочу. Нат, дай сигаретку.

– Ага, сейчас, – лезет в сумочку, протягивает тебе пачку тонких сигарет, – держи.

Ты молча берёшь одну штуку, поднимаешься с места, подходишь к газовой плите – там лежат спички, – чиркаешь, прикуриваешь, наклоняешься к шкафчику с мусорным ведром, открываешь, на полу стоит вымытая до блеска пепельница, берёшь, возвращаешься на своё место, садишься и продолжаешь бесцеремонно курить, пуская пожирающий дым, убивающий аромат и свежесть домашнего уюта. Некурящая Галина Петровна морщится, ей неприятно и даже слегка обидно за такое поведение. Но ты пристально разглядываешь их всех, с высокомерным наплевательским видом, с губ не сходит ухмылка, наблюдаешь за неловкостью ситуации. Они, переглянувшись, заёрзали на месте, собираясь уходить.

– Вот мне и пора, – Галина Петровна – первая, – Настенька, береги себя. Если позволишь, я ещё на днях приду, – встаёт с места, идёт в прихожую.

– Я, пожалуй, тоже побегу, меня муж ждёт, – вскочила Катя.

– Насть, мне остаться или уйти? – нерешительно спрашивает Наташа.

Ты махаешь рукой. Давишь сигарету в пепельнице.

– Оставь пачку, – бросаешь ей вслед.

– Да, конечно, – вынимает из сумочки, кладёт на стол.

.....

Лежишь, расслабившись в горячей ароматной ванне, под звуки инструментальной музыки. Над водой высятся воздушные, сахарно-ватные холмы. Открыв глаза, поднеся пен-

ную ладонь к лицу, разглядываешь умирающую варежку перламутрового цвета, что, перебиваясь, тает, лопаюсь, исчезает. Запел телефон, мокрой рукой тянешься в карман халата.

– Да.

– Насть, собирайся! Через час буду, – на том конце Наташа.

– Хорошо.

Убрав трубку, закрыв глаза, задумалась, мысленно вспоминая строки философов:

«Попытка самоубийства не может быть болезнью, это моя воля. Если уж я так хочу, то как можно это признать болезнью? Тогда получается, мою волю следует признать болезнью. И соответственно лечить меня от собственной воли. Значит, я представляю опасность для самой себя, так как желаю себе зла... абсурд. Если я иду на крайний выход, значит, что-то меня на это толкнуло. Значит, это „что-то“ причина поступка, а не моя воля. Не было бы этой причины, не было б и попытки суицида. Трижды ухожу и не могу уйти, теперь точно закроют в дурке и пропишут какую-нибудь хрень на всю жизнь».

.....

Частная закрытая психиатрическая клиника с виду напоминала дорогой отель, спрятанный за высоким забором. Двухэтажный каменный дом построен на высоком фундаменте в глубине парка. Здание представляет собой квадрат. В углах дома встроены открытые террасы – лоджии, которые застеклены. У ворот звонок и видеокамера, за воротами будка с охранником и собакой. Наташа жмёт кнопку, там треньканье, после женский голос:

– Да?

– Мы к доктору Далёкому.

– У вас назначено?

– Нет. Мы первый раз.

Голос пропал, запищала дверь; заходите на территорию. Огромная площадь, примерно в несколько гектаров, с домиками, деревьями, фонарными столбами, лавками, засыпанными снегом. Идёте по вычищенной круговой дорожке к главному белому зданию с золотой табличкой на стене, там был указан год постройки усадьбы, 1778, кто строил и кому принадлежала. Видно, что территория ещё осваивается, не все старинные постройки отреставрированы. Проходите парковку с дорогими иномарками и служебными авто. Ступени с коваными перилами, в стиле Лео фон Кленце, что украшают новый Эрмитаж, приводят к огромным античным деревянным входным дверям, и там тоже звонок. Нажав кнопку, ты кожей чувствуешь, как на вас смотрят десятки камер, натканных повсюду. Дверь щёлкнула, заходите. Просторный зал с высокими потолками, с колоннами сердобольского гранита, картинами: Садовников, «Аничков мост», 1840-е, Альтман, «Портрет Анны Ахматовой», 1914, Григорьев, «Портрет режиссёра Мейерхольда», 1916 (единственный портрет, который тебя заинтересовал); огромное фото Невского проспекта в начале 20-х и ещё ряд каких-то мелких картин не привлекли твоего внимания. Дальше шла шикарная лестница с голубой ковровой дорожкой. Вы поднимаетесь, дивясь чудной лепнине и дорогому интерьеру, никак не сопоставимым с психиатрической лечебницей. В итоге попадаете в ещё один зал с мягкой кожаной мебелью, с большой плазмой на стене; необычный кованный журнальный столик, заваленный журналами и газетами, стоял на толстом светлом ковре, смахивающем на шкуру медведя. Четыре огромных окна освещали прозрачным светом весь зал. Сбоку расположилась девушка за полукруглой стойкой ресепшена.

– Добрый день, – обращается к вам милая молодая особа в строгом деловом костюме.

– Здравствуйте. Мы на приём к доктору Далёкому Василию Вольфовичу.

– Впервые у нас?

– Да.

– Направление, паспорт...

Наташа протягивает твою карту со стикером и роется в сумочке в поисках твоего паспорта.

– Присаживайтесь. Я пока вас оформлю. Василий Вольфович на осмотре в стационаре, вам придётся немного подождать.

– Хорошо, мы подождём.

– Чай, кофе, включить телевизор? Только у нас диски, с приятной музыкой и позитивным изображением.

– Нет, спасибо.

Ты устроилась в мягком, удобном кожаном кресле у окна. Наташа – на диване, возле журнального столика, взяла какой-то журнал и стала его листать без интереса, создалось впечатление, что она нервничает больше тебя, а учитывая твоё ледяное спокойствие, – за двоих. Сколько времени прошло, десять минут или час, неважно, вас пригласили в кабинет.

– Здравствуйте, Василий Вольфович, – Наташа, улыбаясь, приветствовала доктора, ты молчишь.

– День добрый! Присаживайтесь, – мужчина лет за пятьдесят, абсолютно седой, но с гладкой кожей лица. Очки в золотой оправе придавали солидности. В треугольнике белого накрахмаленного халата виднелся полосатый галстук. Руки светлые, пальцы длинные, наверняка ещё слишком чувствительные до ласк. Он полистал твою карточку, закрыл, отложил, взяв новую сорокавосемистовую тетрадь, записал на титульном листе все твои данные – и наконец обратился к вам:

– Кто из вас ко мне?

– Я, – вяло поднимаешь ладонь в знак подтверждения.

– А вы родственница? – обращается к Наташе.

– Да.

– В таком случае я попрошу вас подождать в коридоре. Вы же не против?

– А... ну да, конечно, – неловко вскочив со стула, как ошпаренная, уронила сумочку. Оттуда вывалились телефон, ключи от машины, – извините, – шарит по полу, собирая пожитки, после чего скрывается, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Ваша сестра? – кивнул на дверь.

– Да.

– Переживает за вас?

– Возможно, – нехотя отвечаешь, делая вид, что разговор о родственниках тебе неприятен. Доктор чувствует твоё настроение, продолжает:

– Она старше или младше вас?

– Старше...

– На сколько? – настойчиво.

– Пять лет.

– Так, если вам тридцать четыре, то ей тридцать девять лет. Хорошо выглядит ваша сестра.

Тебя этот разговор начинает раздражать.

– Доктор, я не понимаю, при чём здесь она? Может, обо мне поговорим?!

– Поговорим. Поговорим и о вас. Ваша сестра замужем?

– Боже ты мой! Хотите, я её позову, а сама выйду?

– Нет, зачем же, оставайтесь. Вас раздражает ваша сестра?

– Нет, меня не раздражает моя сестра, меня раздражаете вы! – и пристальным взглядом, выдерживая паузу, глядишь ему прямо в глаза.

– Эмоции – это хорошо. А то понацарапали тут нелестной характеристики на вас.

Ты понимаешь: это развод. Он пытается вытащить всю желчь, весь яд, понять тебя. Лёгкая улыбка коснулась губ.

– Ну вот, улыбаетесь, – пишет в тетрадь, – теперь поговорим... что вас беспокоит, Анастасия Александровна?

Молчишь. Смотришь на пальцы, разглядываешь ногти.

– Ничего...

– Такого не бывает. Чтобы молодую, умную женщину ни-че-го не беспокоило. У вас бизнес, какой?

– Пакетный...

– Есть мужчина?

– Нет – мотаешь головой в знак отрицания.

– Дети?

– Сын, – киваешь головой, – учится в Лондоне.

– Друзья?

– У меня нет друзей, – появляется ухмылка на губах.

– Родственники, с кем вы общаетесь?

– Ни с кем...

– Животные. Вы любите животных?

– Кошек, но страдаю аллергией.

– Любимое блюдо?

– Я непривередлива в еде.

– Напитки?

– Всё равно.

– У вас есть хобби?

– Нет.

– Передачи, книги?

– Книги, я люблю читать, но сейчас не читаю.

– Самая любимая книга?

– «Бесы», Достоевский.

– Хороший выбор, любите думать?

– Да. Наверное, да.

– Любимое время года?

– Всё равно, в каждом своя прелесть.

– Это верно. Что спровоцировало развод?

– Скука... мне стало с ним скучно.

– В какие именно моменты вам становилось с мужем скучно?

– Всегда.

– В какой именно момент вы почувствовали, что вам с ним скучно?

– Я не знаю, просто почувствовала...

– Может, при однообразном половом акте, или при однообразной семейной жизни? Когда вы полностью погружены в быт и нет времени на себя? Финансовые трудности? Какой у вас был секс?

– А, нормальный...

– Нормальный, то есть спокойный, однотипный?

– Да, только я не понимаю, при чём тут мой бывший муж?

– В свое время Крафт-Эбинг утверждал, что каждое самоубийство должно быть приписано сумасшествию, пока не будет точно доказано противное. Многие душевно здоровые и одаренные до гениальности люди были близки к самоубийству или долго и упорно лелеяли мысль о нем, как, например, Байрон, Гете, Бетховен, Жорж Санд, Лев Толстой и другие. Всё

взаимосвязано. Душевные расстройства не начинаются в одночасье, они пишутся в памяти строчка за строчкой, складываясь в страницы, на протяжении всей жизни мы пишем свою историю. Память по своим свойствам уникальна. Можно забыть имя собеседника, но всю жизнь помнить запах его парфюма, забыть местность, но помнить помещение, забыть обидчика, но помнить обиду. Вот вы, к примеру, успешны, богаты, красивы, всё есть, но чего-то не хватает, и это звено не даёт вам покоя, оно привело вас ко мне, а я, в свою очередь, постараюсь выяснить, чем вам помочь.

Он поднялся с места, подошёл к тебе, сел напротив. Посмотрел в твои глаза.

– В ваших глазах нет сожалений... Я пока не понял вас, но уж очень хочу разгадать вашу тайну, – улыбается, подымается, идёт к окну. Руки держит за спиной, смотрит на кружащиеся снежинки и думает. Потом произносит:

– Я не знаю вашу историю, но вот что интересно: вы сами хотели бы верить в то, что кто-то может отнестись крайне серьёзно к тому, что вы скажете. Отнестись серьёзно к вашему жизненному пути. Постараться понять смысл всего происходящего. Я прав?

– Вы так быстро меня раскусили, или разгадали, или прочитали страницы моей заблудшей души, что я прям диву даюсь, вы провидец, доктор? – положив ногу на ногу, достаёшь сигарету, пододвигаешь стоящую пепельницу, закуливаешь.

– Вообще-то у нас не курят! Но раз уж вы начали, не стану вам запрещать, в первый и последний раз! Нет, я не провидец, просто большой опыт. Анастасия Александровна, ничего не получится, если вы сами не захотите себе помочь. Вы должны расслабиться, перестать капризничать. Я вам не враг, я всего лишь доктор. Обратите внимание, за ширмой стоит очень удобный диванчик. Кому как нравится, кто предпочитает без ширмы, а кому-то она необходима, чтобы обнажить душу. Так вот, я предлагаю вам поговорить, но немного в другом формате, не как пациент с врачом, а как пастырь с прихожанином.

– То есть – исповедь. Вы странный доктор... – смотришь на него, но всё же соглашаешься спрятаться за ширму, устроившись на диване. Диван оказался в меру мягкий, но удобный.

– И что теперь?

На потолке в углах прижились гипсовые ангелы, со стены напротив бледно-сиреневого цвета смотрел на тебя лик архангела Гавриила («Ангел Златые волосы», XII в.)

– Расскажите что-нибудь?

– Я не знаю, что рассказывать, – лёжа жмёшь плечами.

– Вы любили?

– В каком смысле? – мурашки щекоют тело.

– Перефразирую вопрос. Входил ли в вашу жизнь мужчина, оставивший след?

Тишина. Ты молчишь. Знаешь ответ, он вертится на языке, просится на волю, надо высказаться. Это чувство горения, жжения внутри, оно притупляется, но от малейшей искры воспоминаний вспыхивает с новой силой, раздувая пламя невыносимой боли перед собственной слабостью чувств.

– У меня был такой человек.

– И где он сейчас?

– Умер.

– Расскажите о нём?

– Я тогда только развелась, и тут появился он. Он был красивый, умный, добрый. Я не сразу поняла, что влюбилась. Мы встречались достаточно до того, как он умер. Вот и всё.

– Вы скучаете по нему?

– Безумно.

– Вы успели сказать ему о вашем чувстве?

– Нет, не успела.

- У вас после него были мужчины?
- Нет!
- Сколько вы одна?
- Семь месяцев.
- Вы думали о том, чтобы пойти за ним?
- Нет.
- Вы ходите к нему?
- Нет.
- У вас есть совместные фотографии?
- Нет.
- Совместные личные вещи?
- Нет.
- Он вам снится?
- Иногда.
- Он вас зовёт?
- Нет.
- Вы идёте за ним?
- Да, я иду за ним.
- Хотите его вернуть?
- Не знаю...
- Что именно вы любили в нём больше всего?
- Его запах... Такой коктейль: кожа, парфюм и сигареты. Я не могла им надышаться, это химия какая-то, дурман...
- Вы храните его вещи?
- Нет.
- У вас есть его вещи?
- Брелок.
- Опишите его.
- Эйфелева башня. Он привёз её мне из Парижа. Мы потом долго планировали наше путешествие по Европе.
- Ваши сексуальные отношения вас устраивали?
- Очень даже устраивали.
- С вашим мужем вы испытывали те же ощущения, что и с вашим мужчиной?
- Нет, ощущения были разные.
- Насколько разные?
- Это не объяснить.
- Вы изменяли своему мужу?
- Нет!
- Вы хотели когда-нибудь изменить своему мужу?
- Да, хотела, но не могла.
- Чего вы боялись?
- Осуждения, презрения...
- Что ещё? Я чувствую, вы не договорили.
- Я боялась быть похожей на мою мать, – шепчешь ты.
- Расскажите о своей матери?
- Да я её особо не знаю. Она бросила меня в трёхлетнем возрасте. Я жила с папой, а мою сестру воспитывала бабушка. Мать строила свою личную жизнь, гуляла направо и налево, а мой папа сгорал от стыда, когда ему на каждом углу рассказывали про пьяные загулы его жёнушки. Смотрели на него и ждали реакции. Хихикали за спиной, тыкая паль-

цем, что он рогоносец. А папа сожмёт мою маленькую ручку, стиснет зубы и пройдёт мимо. Я не знаю, как он не сошёл с ума от обиды, как не убил её, не зарубил топором. Он всё носил это в себе. Смотрел на неё, на нас, маленьких, и продолжал жить дальше, растил, кормил, воспитывал нас, как мог. Пока однажды его измученное сердце не остановилось... Он умер, мне было одиннадцать лет, и я помню этот день, и вижу, и не могу забыть, не хочу забыть, и эта моя тоска по нему живёт со мной. И если бы пришлось выбирать, кого воскресить, я бы выбрала только его.

– Выходит, что вы потеряли двух любимых вами мужчин?

– Нет, одного.

– Но как же... а любимый?

– Я любила только своего папу, а остальные не так важны.

– Почему-то мне показалась, что вы любили того мужчину, с которым были счастливы?

– Вам всего лишь показалась, доктор. Я только сейчас понимаю, что на самом деле я хотела его любить, и возможно даже любила, и может быть, мне бы хотелось, чтобы он был со мной сейчас, а не с той малолетней сучкой. И я ненавижу себя за это! Не-на-вижу! Ненавижу его! Я бы убила его, а потом оплакивала бы его труп и носила цветы на могилу, но любила бы его, а сейчас, это невыносимо... Легче похоронить, чем наблюдать за живым. Я смотрю в зеркало, и что?! Как вы думаете, кого я там вижу?

– Вы видите себя?

– Нет, я вижу стареющую одинокую бабу с крашеными волосами и потухшими глазами, которая живёт и не понимает, зачем она прожила столько лет, на что она потратила свою жизнь, кому она нужна? Я вижу время, когда, ложась в постель, буду молить господа бога не проснуться... просить его забрать меня, освободить место на планете для новорожденного, более счастливого существа. И мне не страшно засыпать, – вздыхаешь ты. – Я знаю, что самоубийство – это грех, и как бы вы ни чиркали в своём блокноте о моей неадекватности, пристрастиях, обидах, как бы ни раскручивали меня на откровенность, вы не поймёте меня. Все ваши научные степени – всего лишь бумажки, душа не поддаётся изучению. Да и, думаю, наш с вами разговор затянулся. Я не хочу больше...

– Так и не нужно, – отодвигает ширму, заходит, подаёт тебе руку, помогая подняться, – ну вот и славненько. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – спокойным тоном.

– Что ж, не хочется вас так просто отпускать. Вы человек уникальный. Назначу-ка я вам следующую встречу на пятницу, то есть через два дня. В какое время вам удобно?

– У меня что, реально проблемы?

– Не сказать чтобы прям серьёзные, но есть чуточку.

– Доктор, выйдите на улицу, там за забором каждый второй ваш пациент, – машешь рукой в окно, – мне некогда, я работаю!

– Анастасия Александровна, заставить я вас не могу, но предупредить обязан. Вы же умная женщина, и понимаете, что вот это, – показывает на принесённую карточку со странными диагнозами, – мы должны либо подтвердить, либо опровергнуть!

– Я поняла, – киваешь головой, – в пятницу, давайте так же.

– Вот и чудненько. Буду ждать вас. А сейчас пригласите вашу сестрицу, пожалуйста, а сами чайку попейте, у Машеньки на ресепшене много сортов, она вам любой чай заварит, – улыбаясь, провожает тебя к дверям.

Ты покидаешь кабинет. Смятение, страх, растерянность, тошнотворная слабость подкатывает к глотке, ноги становятся ватными, плетёшься по коридору к залу, и чувствуешь, что земля уходит из-под ног. Тебя мотыляет из стороны в сторону, доползаешь до угла. Наташа, заметив тебя бледную, бросается навстречу, но только успевает подхватить обмякшее тело на руки: ты теряешь сознание.

Открываешь глаза. Над тобой столпились несколько человек, среди них доктор, он тычет тампон с нашатырём тебе в нос.

– Ну вот и пришла в себя наша Настенька. Машенька, чайку заварите, да покрепче, да послаще, – доктор подает тебе руку, – как вы?

– Что-то голова болит, – мутное изображение никак не хочет приобретать чёткого очертания. Тянешь руку, встаёшь, сильная слабость бьёт под колени. Наташа берёт тебя под мышку, ведёт к дивану. В полулежачем состоянии наблюдаешь за происходящим. Маша приносит королевскую фарфоровую чашечку, над ней дымится ароматный чай.

– Выпейте. Вам станет легче, – протягивает тебе.

– А с вами мне бы перекинуться парочкой словечек, – приобняв Наташу, доктор уводит её в кабинет. Ты провожаешь их взглядом.

Чай – действительно очень вкусный, насыщенный, густой, с нотками бергамота – горячим живительным бальзамом растёкся по жилам. За большими окнами уличные фонари покрыли территорию шариками жёлтого света. Уже темно, думаешь ты, сколько сейчас? Над головой Маши висели антикварные часы, показывало полшестого вечера. Получается, вы здесь уже три часа. Боже, как долго.

Допив чай, пытаешься подняться, чтобы вернуть чашечку. Сил нет, стонешь, Маша не обращает внимания, разговаривая по телефону, что-то записывает, и тут в твоё поле зрения попадает девушка, сидящая на том самом месте у окна, что освободила ты, отправляясь на приём к доктору. Очень молодая, хрупкая, почти прозрачная, как статуя, умершим взглядом смотрит в одну точку. Вязаный свитер закрывает горло, в рукавах спрятались пальцы, а на голове серая шапочка с улыбкой медведя. Она сидела в профиль, не реагируя на происходящее. Ты хотела что-то спросить, но любой из вопросов казался таким дурацким, пустым, неинтересным. Расставшись с идеей общения, погрузилась в свои собственные размышления и невообразимые догадки, откуда, как и по каким причинам тут очутилось столь загадочное существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.